

Что было — то было

Вет. Москва. - 1999. - 9 дек. - с. 16

Мы продолжаем печатать отрывки из новой книги воспоминаний мэтра отечественной музыки.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

♦ ♦ ♦
Январь. 1944 год. Город Беломорск. Штаб Карельского фронта. Я в мешковатой форме майора Советской армии пишу песни для фронтowego ансамбля на стихи П. Шубина и Л. Ошанина. Будучи по своей природе глубоко цивилизным человеком, прошу у командующего фронтом Кирилла Афанасьевича Мерецкова разрешения ходить в штатском — никак не могу научиться оперировать с обмотками, надевая сапоги, мерзну в шинели не по росту, надоели бесконечные козыряния.

Разрешение было милостиво получено, и я облачился в свою привычную зимнюю одежду — шубу с бобровым воротником и бобровую же шапку, после чего почувствовал себя вполне комфортно.

Как-то раз я зашел в помещение штаба фронта, чтобы повидать моего одноклассника Тойво Пелянена, с которым мы девять лет сидели на одной

парте в 51-й сов. труд. школе г. Ленинграда. Тойво, профессиональный юрист, был мобилизован и в звании старшего лейтенанта занимался в штабе допросом немногочисленных пленных.

Когда я зашел, он встал и взял под козырек (у нас была такая игра) и почтительно отряпывал по форме. Допрашиваемый — здоровенный белобрысый немец, майор с кожаной физиономией (сел с парашютом на сосну — ветром отнесло в расположение наших войск), вскочил и тоже отдал честь. Некоторое время я посидел, слушая совершенно мне неинтересный, стандартный допрос, а потом решил сам задать пленному несколько вопросов. Я спросил, знает ли он, кто такие Толстой, Шекспир, Пушкин, Чайковский, Наполеон, Бисмарк, Шиллер, Вагнер, Гете. Не знал, голубчик, ни одной фамилии, за исключением Вагнера — командира Брунговейгской танковой дивизии.

Уходя, я попросил Тойво узнать у своего подопечного — кто, по его разумению, я такой? И когда мой школьный друг перевел его ответ, я подумал, что таким эрудитам победить русских будет невозможно. А ответ его был:

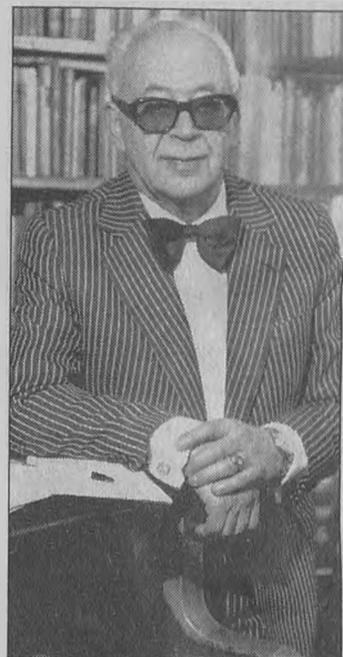
— По-моему, это американский губернатор советской Карелии!

♦ ♦ ♦
Лето. 1916 год. Мне 3 годика. Мы живем в Петрограде (уже не Санкт-Петербурге, но еще не Ленинграде) на Загородном проспекте. Детская память крепка — я помню все детали этого дня. Вожусь с игрушками в детской, а моя няня Дуня моет окно и вдруг взволнованно зовет:

— Ника, иди сюда скорей! Царь едет!

Я, совершенно не зная, кто такой царь, бросил своих солдатиков и подбежал к окну. По улице мерным шагом двигалась стройная воинская колонна в ослепительных белых мундирах на белых же конях. На головах всадников красовались сияющие на солнце блестящие медные каски, увенчанные плюмажами — конскими хвостами. А впереди их командир — в погонах с висюльками (эполетами) и свисающими на грудь золотыми шнурами (аксельбантами), которые прикрывали разноцветные ордена. Публика на тротуарах что-то восторженно выкрикивала. Картинка эта у меня в памяти до сих пор.

Через много лет, будучи уже

девятилетним школьником, я похвастался родителям, что лично видел царя Николая. Отец улынулся.

— Я помню этот день. Был очередной юбилейный праздник гвардейского Уланского полка. И я был приглашен на торжественный ужин. Но должен тебя огорчить, Ника. Это был не царь, а добрый знакомый нашей семьи граф Стенбок-Фермор, царь в это время был на фронте...

...Так я Его величество и не повидал!